

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПРАВО

Tomsk State University Journal of Law

Научный журнал

2012

№3(5)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-45814 от 8 июля 2011 г.

Журнал входит в "Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук" Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ПРАВО»**

Уткин В.А., председатель редколлегии, д-р юрид. наук, проф., директор Юридического института ТГУ, зав. каф. уголовно-исполнительного права и криминологии; **Казаков В.В.**, зам. председателя редколлегии, д-р эконом. наук, проф. каф. финансового права; **Ольховик Н.В.**, зам. председателя редколлегии, канд. юрид. наук, доц. каф. уголовного права, зам. директора Юридического института по научной работе; **Агашев Д.В.**, ответ. секретарь, канд. юрид. наук, доц. каф. трудового права и права социального обеспечения (e-mail: trud@sibmail.com; tp@ui.tsu.ru); **Андреева О.И.**, д-р юрид. наук, проф., зав. каф. уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности; **Аракчеев В.С.**, канд. юрид. наук, доц., зав. каф. трудового права и права социального обеспечения; **Барнашов А.М.**, доц., канд. юрид. наук, зав. каф. конституционного и международного права; **Дергач Н.С.**, канд. юрид. наук, доц., зав. каф. криминалистики; **Елисеев С.А.**, д-р юрид. наук, проф., зав. каф. уголовного права; **Кузнецов С.С.**, канд. юрид. наук, доц. каф. финансового права; **Лебедев В.М.**, д-р юрид. наук, проф., зав. каф. природоресурсного, земельного и экологического права; **Мананкова Р.П.**, д-р юрид. наук, проф. каф. уголовного права; **Осокина Г.Л.**, д-р юрид. наук, проф., зав. каф. гражданского и арбитражного процесса; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф. каф. уголовно-исполнительного права и криминологии; **Свиридов М.К.**, д-р юрид. наук, проф. каф. уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности; **Савицкая И.С.**, ст. преподаватель каф. английской филологии факультета иностранных языков.

УДК 343.131

К.В. Волынец**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ
О РАЗУМНОМ СРОКЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ**

Рассмотрена история появления и развития положения о разумном сроке уголовного судопроизводства в российском праве. Автор прослеживает путь преобразования требования быстроты уголовного судопроизводства в требование разумности его сроков.

Ключевые слова: история, разумный срок.

Быстроте расследования и рассмотрения уголовных дел придавалось важное значение практически на всех этапах развития российского уголовного процесса. Одним из первых источников права, в котором данная проблема нашла свое отражение, стал Судебник 1497 г. Он предусматривал ряд процессуальных гарантий, обеспечивающих оперативное рассмотрение дел.

Так, например, на лицо, виновное в затягивании судопроизводства, возлагалась обязанность возместить понесенные в связи с этим убытки (ст. 32) [1. С. 39]. Явка послухов (свидетелей) в суд была обязательной. В случае неявки иск и все убытки и пошлины перекладывались на послуха: «А послух не пойдет перед судью, ест ли за ним речи, нет ли, оно на том послусе исцово и убытки и все пошлины взятии» (ст. 50) [2. С. 65].

Кроме того, согласно ст. 26 Судебника разбирательство дела могло быть отложено по инициативе одной из сторон только при условии внесения ею соответствующей платы: «А от срочных от подписи дьяку имать от срочные по две денги. А от отписных срочных дьяку имати от подписи с рубля по три денги. А подьячим имати от писма с рубля по две денги. А коли ищя или ответчик оба вместе хотят срок отписати, и они платят оба по половинам от подписи и от писма, а неделщику хоженое. А который ищя или ответчик к сроку не поедет, а пошлет срока отписывать, и тому все платить одному от срочных от обеих да и хоженое. А срочные дьяком держати у себя» [1. С. 38].

Данные меры в некоторой степени гарантировали рассмотрение дела в установленные сроки, поскольку мотивировали стороны и свидетелей к их соблюдению. Однако сроки эти в законодательстве закреплены не были, а в каждом конкретном случае определялись судом, что не исключало допущения волокиты по его вине. Кроме того, взимание платы за отложение разбирательства в случаях, когда на то имелись объективные причины, безусловно, нарушало права участников процесса.

Названные недостатки частично были устранены в Соборном Уложении 1649 г. Так, ст. 24 главы X содержала адресованные суду требования о скорейшем рассмотрении поступающих дел: «А будет которой судья не учнет ездить в приказ своим упрямством, не хотя в том приказе быть, кроме оте-

ческих дел, и не для болезни, и не для иного какова нужного недосугу, и не будет его в приказе многие дни, и тому судье за его вину учинить наказание, что государь укажет, и велеть ему быть у государева дела, и всякие судные дела вершить безволокитно, чтобы за судьею и за всяким приказным человеком ни в котором приказе ни каким людям лишние волокиты и проести не было» [1. С. 60].

Что касается ответственности за неявку ответчиков в суд, то данная проблема в Соборном Уложении была решена несколько иначе, чем в Судебнике 1497 г.: «А будет тот ответчик и по государеву зазывной грамоте ко ответу не станет же, и в свое место никого не пришлет же, а поручная запись по нем будет прислана, и его тем без суда не винити же, а дати по него государева другая грамота, и велеть от той другой грамоты доправить на нем исцу подписных же и печатных пошлины, да проести и волокиты на другой месяц три рубли же. А будет он и по другой государеве грамоте не станет же, и в свое место ко ответу ни кого не пришлет же, а поручная запись по нем будет прислана же, и его в ысцове иску тем обвините без суда потому, что он по себе к суду дав поруку трижды, а к суду не стал, и велеть исцов иск, доправя на нем и на порутчиках его, отдать исцу» [1. С. 68].

Таким образом, по Уложению плата за отложение слушания дела не взималась, а ответчик нес ответственность лишь в случае трехкратного неисполнения обязанности явиться в суд. Такая ответственность носила достаточно суровый характер, так как предполагала не только уплату проести, но и автоматическое удовлетворение иска, то есть признание ответчика виновным без проведения судебного следствия. Представляется, что столь серьезные меры действовали достаточно эффективно, однако применение последней в судопроизводстве по уголовным делам сложно признать оправданным, поскольку основанием осуждения лица должна служить его виновность, а не факт неявки в судебное разбирательство.

Позднее, в период правления Петра I, уголовно-процессуальное законодательство (в том числе и положения, обеспечивающие быстроту судебного разбирательства) вновь подверглось серьезному реформированию.

Так, в главе 4 Генерального регламента 1720 г. впервые были закреплены предельные сроки судопроизводства: «...челобитчиковы всякие дела по выправкам вершить по реэстру без всякого мотчания как возможно, а далее шти месяцев, как о том именным его величества указом повелено декабря 8 дня 1714 года, отнюдь не продолжать под наказанием. Ежели далее сего положенного срока, кто без законной причины волочить станет, то наказан будет за каждый день по 30 рублей, ежели убытки от того кому не учинилось; а ежели убыток учинился, то оной в двое доправить в первой и другой раз, а в третий, яко преслушатель указа, наказан быть имеет» [3. С. 112].

Во время правления Петра I были приняты и иные меры, направленные на сокращение сроков рассмотрения дел. В частности, п. 5 главы III второй части процесса Краткого изображения процессов или судебных тяжб 1715 г. устанавливал ответственность свидетелей за уклонение от явки в суд: «Кто к свидетельству призван будет, тому не надлежит от того отрицаться. А ежели свидетельство добром принести не похощет, то может от судьи к тому принужден и наказан быть, понеже, как выше сего помянуто, чин свидетеля есть

чин явный, а от явного чину никто не может отрицаться, под наказанием» [1. С. 162].

Глава V первой части процесса Краткого изображения процессов или судебных тяжб 1715 г. предусматривала условия и порядок проведения заочного судебного разбирательства: «Хотя в середине процесу челобитчик или ответчик занеможет или протчие важные причины к тому прилучатся так, что им самим своею особою в кригсрехте явитца невозможно, то позволяется оным для вывода своего дела употреблять адвокатов и оных вместо себя в суд посылать. И правда, надлежало б в кригсрехтах все дела как наикратчайше, отложив всякую пространность, представлять. Однако ж, когда адвокаты у сих дел употребляются, оные своими непотребными пространными приводами судью более утруждают, и оное дело толь паче к вящему пространству, нежели к скорому приводят окончанию. Токмо при розыскных делах, которые случаются в кригсрехте, оных вместо себя адвокатов употреблять не позволяют, но принужден ответчик сам своею особою ответствовать» [1. С. 159].

Как обоснованно отмечается в литературе, «процессуальное право петровского периода полностью соответствовало основной задаче судебных органов абсолютистского государства – быстро и решительно пресекать всякие попытки нарушения установленного порядка... Реформируя судебную систему и совершенствуя процессуальное законодательство, император стремился ликвидировать судебную волокиту, обеспечить законность и справедливость судебных решений, устранить из судопроизводства все, что мешало отправлению правосудия» [4. С. 285, 307].

Вместе с тем на данном этапе главная цель суда заключалась «в защите власти, интересов и престижа правительственной администрации, а не прав населения... У обвиняемых не было права на юридическую защиту; их могли держать под арестом в течение неопределенного времени, покуда суд не приступит к рассмотрению собранного полицией материала и не вынесет в конце концов приговора» [5. С. 406]. Позднее, как писали Н.В. Давыдов и Н.Н. Полянский, «система государственного произвола вырождается в произвол чиновный, в притеснения, пристрастие и безсудие судей, освободившихся от гнета центральной власти и пользовавшихся деспотизмом законов ради собственных выгод» [6. С. 9].

Преемники Петра не предпринимали попыток дальнейшего совершенствования законодательства в целях разрешения проблемы судебной волокиты, но постоянно напоминали об «обязанности скорого и правого суда». Анна Иоанновна в Указе от 1 июня 1730 г. предписывала Сенату следить за тем, «чтобы всякие дела с лучшим основанием и благоугодным правосудием безволокидно и безостановки решаемы были...». Правительница Анна Леопольдовна в указе от 12 ноября 1740 г. указывала на то, что в судах «через долго прошедшие времена и годы решения не чинятся», и напоминала Сенату, «яко главному департаменту», «о правосудии и скорейшем решении всех дел, не взирая на лица сильных и никому не маня и не посягая, но усматривая единой Богу и Нам приятной справедливости» [6. Т. 2. С. 9].

Призывы правительниц не давали результатов – судебные дела без видимых на то причин годами оставались без рассмотрения, а права участников

судопроизводства – без защиты. В связи с этим еще не окрепший авторитет судебной власти был вновь утрачен.

Пришедшую к власти во второй половине XVIII в. Екатерину II такая ситуация не устроила, в связи с чем реформирование законодательства в части устранения волокиты при осуществлении судопроизводства по уголовным делам было продолжено.

Именной указ Екатерины II от 10 февраля 1763 г. «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству» начинался со слов: «Известно НАМ, сколь великое число от нескорого решения дел, что происходит большею частию от несыску оговорных и по другим разным околичностям, во всем НАШЕМ государстве содержится в острогах, в тюрьмах и в протчих местах под караулом разнаго звания колодников...» В п. 1 этого Указа императрица велела: «Всех пойманных воров и разбойников в тюрьмах и острогах под караулом более месяца не держать, и для того об оных и дела решить непременно, считая от дня приводу таковых в судебное место в месяц... и дело обо всех решить, как выше упомянуто, в месяц, включая в тот же месячный срок и пытки, естли б по делу оныя произвести надлежало в силе законов... и не отлагая отнюдь далее того времени, хотя б оговорные и не сысканы были» [7. Т. 2. С. 884, 885].

Стоит также отметить, что для того, чтобы пресечь судебную волокиту, Екатерина учредила специальную экспедицию при Сенате, которая должна была следить за соблюдением сроков предварительного заключения и за применением пытки [4. С. 317, 351].

Несмотря на столь строгие указания на необходимость скорого рассмотрения уголовных дел, императрица отмечала, что «нельзя ставить в образец, как это многие делают, турецкое правосудие, отличающееся своею скоростью. Напротив, во всяком государстве, в котором уважаются честь, имение, жизнь и свобода граждан, необходимо умножение судебных обрядов, так как лишение всех этих благ может произойти не иначе, как после долгаго и строгаго взыскания истины» [6. Т. 2. С. 9]. Таким образом, Екатерина II впервые указала на то, что быстрота рассмотрения уголовных дел не может быть самоцелью, она должна обеспечиваться наряду с достижением истины – с тем, чтобы защитить права и законные интересы обвиняемых. То есть речь уже шла не столько о быстроте судебного разбирательства, сколько о разумности его сроков. При этом факт нахождения обвиняемого под стражей требовал особой тщательности со стороны судов для безотлагательного отправления правосудия.

Данная идея была сохранена и в Своде законов уголовных 1832 г. Статья 1072 данного документа гласила: «Судебные места обязаны иметь попечение, чтобы участь подсудимых отнюдь не была подвергаема проволочкам и стеснению и чтобы в решении сих дел, в особенности же тех, по коим подсудимые содержатся под стражею или в тюрьме, соблюдаема была вся возможная скорость и не было допускаемо ни малейшей остановки» [8. С. 317].

Однако защитой прав подсудимых Свод законов уголовных 1832 г. не ограничивался. В нем коренным образом изменился и подход к обеспечению явки свидетелей, что также играло немаловажную роль в соблюдении сроков рассмотрения уголовных дел. С одной стороны, свидетели, как и прежде, в

случае уклонения от дачи показаний могли быть «к тому понуждены и подвергнуты за ослушание наказанию» (ст. 953), с другой – закон проявлял уважение к их распорядку жизни. Так, ст. 952 предусматривала: «Людей, состоящих в службе или при казенных работах, требовать к допросу в такое время, в которое они свободны от должностей и работ. Если же время не терпит, то немедленно, но во всех случаях требовать их не иначе, как посредством их Начальств» [8. С. 280].

Положения о компенсации свидетелям затрат, связанных с участием в рассмотрении уголовного дела, были еще достаточно абстрактными: не был предусмотрен ни размер, ни порядок производства выплаты издержек. Эти недостатки были частично устранены в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. В соответствии со ст. 192 Устава свидетели и сведущие люди, вызванные повесткой и желающие получить вознаграждение за путевые издержки, должны объявить о том по окончании допроса или того действия, для которого они призваны. В свою очередь, ст. 193 устанавливала, что вознаграждение свидетелям и сведущим людям определяется только в случае призыва их на расстояние более пятнадцати верст. В сем случае они получают путевых денег по три копейки на версту и суточных по двадцати пяти копеек за каждый день отлучки из места жительства [9].

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., в отличие от нормативно-правовых актов Петра I и Екатерины II, отсутствовало указание на предельный срок рассмотрения уголовных дел. Нет его и в более поздних уголовно-процессуальных законах. Логика законодателя в исключении данного вопроса из сферы правового регулирования не совсем понятна. Как нам кажется, закрепление предельных сроков рассмотрения уголовных дел, при условии их разумности и возможности продления (в исключительных случаях), имело бы огромное положительное значения для решения проблемы судебной волюнтаристичности.

Совершенствование законодательства в части обеспечения быстроты судебного следствия продолжилось и в советский период. В частности, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. внес некоторые коррективы в перечень положений, гарантирующих явку подсудимого в суд: от каждого лица, привлеченного в качестве обвиняемого, следователь должен был брать подписку о явке к следствию и суду и обязательство сообщать о перемене своего места жительства (ст. 143 УПК РСФСР). А в случае неявки подсудимого без уважительных причин по делам, где явка является обязательной, кроме случаев, указанных в п. 1 и 2 ст. 265, а также по делам, где суд признал явку необходимой, суд согласно ст. 267 УПК РСФСР откладывал дело слушанием и возлагал на подсудимого судебные издержки по отложенному заседанию. Кроме того, суд имел право вынести определение о приводе подсудимого и об усилении меры пресечения или о назначении таковой, если ранее она не была принята. Стоит также отметить, что по УПК РСФСР 1923 г. свидетели, понятые и эксперты были наделены правом не только на возмещение понесенных ими расходов по явке, но и на вознаграждение за отвлечение их от обычных занятий (ст. 65, 75) [10].

А с принятием УПК РСФСР 1960 г. такое право было закреплено и за потерпевшим, специалистом, переводчиком, но реализовать его могли только

лица, не являвшиеся рабочими или служащими. В отношении последних действовало правило о сохранении среднего заработка по месту работы за все время, затраченное в связи с вызовом к лицу, производящему дознание, следователю, прокурору или в суд (ст. 106 УПК РСФСР 1960 г.). Что самое главное – в УПК РСФСР 1960 г. быстрота была признана одной из задач уголовного судопроизводства (ст. 2) [11].

Наконец, в 2010 г. действующий УПК РФ был дополнен ст. 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства» [12]. Кроме того, был принят федеральный закон, предусматривающий порядок присуждения компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок [13].

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

1. Проблема обеспечения быстроты рассмотрения уголовных дел имеет давнюю историю. Изначально, в период правления Ивана IV, основным способом ее решения выступало возложение на стороны, а также свидетелей ответственности за неявку в судебное разбирательство. Постепенно система мер, направленных на устранение судебной волокиты, усложнялась: была предусмотрена ответственность судей за допущение волокиты, а потерпевшие и лица, способствующие отправлению правосудия, наделены правом на компенсацию затрат, связанных с участием в разбирательстве дела.

2. Если изначально стремление обеспечить быстроту рассмотрения дел было направлено преимущественно на поддержание авторитета судебной власти и снижение финансовых расходов, связанных с рассмотрением уголовных дел, то в последующем она стала рассматриваться как средство обеспечения защиты прав и законных интересов личности, предоставляющее обвиняемому возможность быть судимым без неоправданной задержки, а потерпевшему – своевременно получить возмещение причиненного преступлением вреда.

3. Такое направление развития уголовно-процессуального законодательства обусловлено тем, что в иерархии охраняемых государством ценностей интересы личности постепенно выходили на первый план. Уголовный процесс из «бездушной карательной машины» превращался в инструмент защиты от преступлений и от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод граждан.

Таким образом, можно говорить о том, что под влиянием новой системы ценностей требование быстроты уголовного судопроизводства трансформировалось в требование разумности его сроков.

Литература

1. *Титов Ю.П.* Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2002. 472 с.
2. *Штамм С.И.* Судебник 1497 года: учеб. пособие по истории государства и права СССР. М., 1955. 110 с.
3. *Реформы Петра I.* Сборник документов / сост. В.И. Лебедев. М., 1937. 378 с.
4. *Амлеева Т.Ю.* История уголовного судопроизводства России (XI–XIX вв.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 457 с.
5. *Уортман Р.С.* Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / Авторизов. перевод с англ. М.Д. Долбилова при участии Ф.Л. Севастьянова. М., 2004. 520 с.

6. Давыдов Н.В., Полянский Н.Н. Судебная реформа: в 2 т. М., 1915. Т. 2. 403 с.
7. Законодательство Екатерины II: в 2 т. / отв. ред. О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. М., 2001. 984 с.
8. Свод законов уголовных. СПб., 1832. 575 с.
9. Список актов конституционного значения 1600–1918 гг. [Электронный ресурс]: сайт Конституции Российской Федерации. URL: [http:// constitution. garant.ru/history/act1600-1918/3137/](http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/).
10. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года [Электронный ресурс]. КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2012. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
11. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года [Электронный ресурс]. КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2012. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: Федеральный закон № 69-ФЗ от 30 апреля 2010 г. // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.
13. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Федеральный закон № 68-ФЗ от 30 апреля 2010 г. // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.